

реалистического и демократического по своим устремлениям русского театра. И, конечно, не благодаря им, а вопреки их стараниям Малый театр стал славой и гордостью русского искусства.

Как, казалось бы, пробиться росткам демократического искусства на каменной почве казенного императорского театра? Как восторжествовать правде на сцене, призванной быть фальшивым отражением фальшивого блеска николаевской крепостнической империи? Как утвердиться национальному искусству под эгидой обрусевших немецких баронов и офранцузившихся русских князей? И вопреки иезуитской цензуре вепеносного жандарма, наперекор министрам и сановникам, в борьбе, в муках, в противоречиях рождается подлинно национальный, народный, реалистический русский театр. Воистину чудодейственны творческие силы русского народа!

Кто же на самом деле был нашим первым «художественным руководителем»? Это был человек, который начал с того, что провозгласил программу создания самобытного национального театрального искусства: «О, как было бы хорошо, если бы у нас был свой, народный, русский театр... Видеть на сцене всю Русь с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев, вызванных из гроба могуществом фантазии, видеть биение пульса ее могучей жизни...». Это был человек, который смело предпочел Мочалова Каратыгину и гордо бросил в лицо императорскому Санкт-Петербургу: «Что мне ваш актер-аристократ! Давайте мне актера-плебей!». Это был человек, который утверждал, что призваные Щепкина — «роли простых людей». Это был человек, который всю свою жизнь вел непрестанную борьбу против заполнивших театр пошленьких водевилей и слезливых мелодрам, казенных квазипатриотических трагедий и бесчисленных, как он выражался, «переломок» с французского, борьбу за русский реалистический репертуар — за Пушкина, Грибоедова и Гоголя.

Это был Белинский.

Вторым «худруком» Малого театра был Островский. В течение четырех десятилетий он создал для Малого театра огромный национальный репертуар. Сбылась мечта великого критика — зритель теперь мог видеть на сцене всю Русь с ее добром и злом. Поднимался занавес, и перед публикой чередой возникали картины русской жизни, предельно точные и беспощадно правдивые. Ничто не могло укрыться от могучего света рампы Малого театра. Он проникал повсюду — в дома калиновских и брянских обывателей, в усадьбы Уланбековых и Гурмыжских, в купеческие лавки и в гостиные вельмож, на чердаки и в подвалы, в губернские трактиры и уездные суды.

Ни высокие колокольни, ни каменные стены, ни железные запоры, ни дремучие леса — ничто не могло оградить от этого всепроникающего неподкупного света правды. От этого света не спасало ни самое изощренное лицемерие, ни самое почтенное благообразие, ни самое отчаянное либеральничанье. Вещи назывались своими именами, тайное становилось явным, дела семейные выносились на общественный суд, пороки общества — на суд народа. Свет правды проникал в самые глухие закоулки «темного царства», и некуда было от него укрыться.

И вот за что еще русские люди были благодарны Малому театру и его великому драматургу: стон отчаяния, крик протеста, возглас надежды, которым, может быть, так и суждено было затеряться в глухих лесах или заглухнуть в четырех стенах, был услышан театром и в полную силу прозвучал с его подмостков, пробуждая в сердцах зрителей сочувствие, веру и волю к борьбе с «темным царством».

«Наши сердца пламенели жаждой подвига, стремлением к свободе и

Братству. Мы, молодежь, уходили из театра потрясенными и просветленными. Игра великих артистов открывала нам новые миры, будила в нас лучшие чувства». Этими взволнованными словами А. А. Яблочкина, старшей актриса нашего театра, вспоминала о тех далеких днях, когда она еще не вступила на подмостки театра, а была только одной из многих молодых зрительниц, заполнивших зал Малого театра и восторженно приветствовавших прославленных мастеров — Садовского и Ленского, Федотову и Ермолову.

Вот этот театр партия победившего пролетариата и признала своим по праву наследования. В судьбе Малого театра с символической отчетливостью воплотились преемственность советской культуры, ее кровная связь с передовыми демократическими тенденциями в дореволюционном искусстве. С еще большей отчетливостью судьба нашего театра свидетельствует о новаторском характере искусства социалистического реализма, являющегося высшим достижением художественного развития человечества.

Тщетно враги партии и народа, прикрываясь «архиреволюционной» фразеологией, визжали: «На слом Малый театр!». Партия сказала: нет!

Правительство присвоило Малому театру звание академического. Коллектив театра смотрел на свое новое почетное звание не как на «охранную грамоту», а как на выражение доверия и любви народа. Партия не только бережно сохранила старейший русский театр, защитив его от вражеских наскоков, но и терпеливо повела его по новому пути.

Покорение актеров, которому выпала честь встретить Великую Октябрьскую революцию, навсегда сохранило память о том, как в старинный зал с красными бархатными креслами пришел новый, невиданный здесь доселе зритель — в солдатских шинелях и выцветших гимнастёрках, в сапогах, еще пыльных от фронтовых дорог. В зале было холодно, но голодные, замерзшие люди жадно слушали гордые слова великих писателей о будущей прекрасной жизни, завоевателями и строителями которой стали они сами, рабочие и крестьяне первой в мире страны Советов.

Для красноармейского и рабочего зрителя Малый театр устраивал специальные выездные спектакли на окраинах Москвы. В неотапленных клубах играли для нового зрителя прославленные актеры — О. О. Садовская, А. И. Южин, А. А. Яблочкина, Е. Д. Турчанинова, В. Н. Рыжова и другие. Так с первых же дней революции славный коллектив начал с честью выполнять свой долг перед народом, свершившим революцию.

Вспоминая эти незабываемые годы, Евдокия Дмитриевна Турчанинова рассказывает о том, как группа актеров Малого театра приехала на клубный спектакль. Не было света. Его дали только в 11 часов вечера, и в 11 часов начался этот необыкновенный спектакль, длившийся до 4 часов утра. Но усталые, сутками не спавшие люди не расходились.

Зрители смотрели на сцену, актеры — в зрительный зал. Ведь для них эти люди в серых шинелях и кожаных куртках были не только сегодняшними зрителями, но и завтрашними героями. Предстояло не только играть для них, но и сыграть их самих. Предстояло воплотить на сцене великие события революции, вывести на подмостки еще небывалых героев — большевиков, свершивших революцию и строящих новый мир.

Театр — не музей. Традиции театра, пусть самые лучшие и благородные, невозможно сохранить, не развивая, не совершенствуя их. Верность традициям как раз и требовала: искать, расти, отвечать на новые запросы нового зрителя. «Традиция Малого театра, — писал Южин, — никогда не была и не будет традицией ложно понятого музейзма. Малый театр прежде всего живой и жизнеспособный, вечно обновляющийся ор-